

Фото В. Мирошниченко

Олег Мокшанов — Арбенин

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ СПЕКТАКЛЯ

Елена СИЗЕНКО

Воронежский Камерный театр показал в Москве спектакль "Маскарад". Постановкой его главный режиссер театра Михаил Бычков. Воронежский "Маскарад" в столице ждали. Как это бывает в мире театра, слухи о спектакле, об исполнителе главной роли Олеге Мокшанове опередили их приезд. И ожидания не были обмануты!

Судите сами. Пьеса, в прежних знаменитых постановках поражавшая монументальностью, перенаселенностью, сценографическим витийством, тут оставляет впечатление тишины, почти сомнамбулической сосредоточенности. Поневоле задумаешься — что-то должно было кардинально измениться во времени и в нас самих, чтобы мы захотели предложить театру странной тишины, захотели посмотреть в приблизившиеся к нам живые человеческие глаза. Возникло иное ощущение от столь знакомой пьесы, далекое от вязкого и трескучего "романтического канона". Не было ни импозантной демонической загадочности, не зву-

чали пряные баритональные "страдания", отсутствовала, наконец, "светская чернь"...

Спектакль Михаила Быčkova о другом. Возможно, даже про нас с вами. Согласитесь, есть герои, через которых говорит время, общая судьба. Перефразируя горьковского Сатина, можно сказать: "Арбенин — это ты, я, он...". Каждый из нас, застигнутый на крутом повороте жизни, в тот момент ее, когда прошлое прожито и выпито до дна, настоящее сомнительно, а будущее рассыпается в руках...

В темном пространстве сцены, убранной белыми траурными цветами, существует герой. Некто не то в сером, не то в черном, но спокойно элегантно. Человек, просто человек, живущий по каким-то своим законам, в своем ритме, мало совпадающем с общепринятым. В колеблющемся пламени свечей, создающем атмосферу полусна, полуяви, мы различаем горький, сухой профиль, тонкие сжатые губы и неотрывно устремленные куда-то глаза. Куда они смотрят? Действие развивается здесь и теперь. Интрига, как положено, набирая темп, обрастает привычными, "отягчающими" подробностями. А он, Арбенин, слушает что-то свое, все плотнее погружается в

Культура. — 1996. — 2 марта. — с. 8.

Арбенин, которого ждали

мерцание холодноватых звуков (музыка Альфреда Шнитке), словно в платоновское переживание уже когда-то бывшего.

На мгновение показалось, что там, на злосчастном маскараде, что-то заставило его очнуться, выйти из этой медитативной отравленности самим собой. Но это только показалось...

Вот он привычно легко, положив ногу на ногу, сидит в кресле, слушает Нину, по лицу его пробегают какие-то тени, отблески постоянно тлеющего внутреннего огня. И вдруг он чуть улыбается, в голосе его нарастает теплая волна. Минута... Да, то самое — "Послушай... нас одной судьбы оковы связали навсегда... ошибкой, может быть; Не мне и не тебе судить"...

В медленном, глубоком голосе Олега Мокшанова мы, кажется, впервые уловили в его Арбенине тревожное тремоло узнавания, намек на возможность... нет, не близости, но созвучия с нею, с его жертвой. И лицо его, и сам взгляд в этот момент непреходящие. Стихи рождаются, как вздох, как единственный способ существования и как последнее признание. Они льются, пока не обнажат душу, уже, кажется, свикшуюся с молчаливой пустотой вокруг. Он говорит ей об отсутствии Бога в душе и о том, как страшит его смерть. Ведь он так и не понял своего предназначения в этом мире, пресловутый "момент истины" так и не наступил! Вдохновенное отчаяние его обращено уже не к нам и тем более не к Нине — оно вопрошает Пространство и Время, колеблясь на волнах высокой простоты лермонтовского стиха: "...Я все видел, все перечувствовал, все понял, все узнал// Любил я часто, чаще ненавидел и более всего страдал..."

В душевном трансе красивыми нервическими руками он все зажигает и гасит свечи. Они повсюду. В их ясном и ровном свете, яко дым от лица праведника, рассеиваются последние иллюзии. Впрочем, ни у нас, ни у Арбенина особых иллюзий по поводу Нины не возникает. Высокие ботинки на шнуровке, черные колготки да тесная "грация", в которых она щеголяет, вернувшись с

маскарада, сразу же проводят ту черту, дальше которой безучастная рыцарская любезность Арбенина уже не заходит.

И эту окончательность, завершенность жизненного, душевного цикла, который складывается на наших глазах, уже ничто не властно будет изменить — ни история с браслетом, которая ему самому кажется насковозь придуманной и он как-то вяло ее "раскручивает", ни великосветские "козни"... Все дальнейшее действие по сути лишь "долгое прощание" с нами, с самим собой... Два часа медленного ухода к чему-то бесконечному в своей душе, что, может быть, не исчезнет совсем.

Боже мой, как отвыкли мы от этой непрерывности существования на сцене умного, думающего актера, сидящего рядом и рассказывающего историю собственной души, — не просто казус, житейский случай или неудавшуюся жизнь, но нечто, что заставляет тебя содрогнуться в ответ и исторгнуть из своего смертного существа какое-то подобие божественного восторга. Восторга перед страданием, понятным и прожитым с такой глубиной и самоотдачей, восторга перед роскошью театра, дарящего не только новое, интеллектное "прочтение", но и прекрасную, осмысленную "подачу" стиха, где каждая строка не только не теряется, но, напротив, возвращается и открывается в своей самоценности.

Свою роль в этом новом "обретении" текста сыграла попытка (и очень удачная) прочитать романтическую трагедию через позднего Лермонтова, вообще через традицию психологического реализма Толстого, Достоевского и особенно Чехова. Вот откуда, мне кажется, особая романная форма мышления героя, его свободная ассоциативность, размытость временных границ и экзистенциальная устремленность.

Так и должно быть. Каждое время дарует своего Арбенина. Этот Арбенин — из трагического промежутка, паузы, которая затянулась для него на всю жизнь.